

Я.А. Яковлев

Василий Арсеньевич Величко – «таёжный Кихот»

Непредсказуемы и причудливы изгибы траекторий человеческих судеб. Кто-то, рождённый в неге и роскоши, завершает земные дни в трущобах. Другой же, пришедший в этот мир убогим и сирым, возносится на вершины общественного признания и остаётся на скрижалях истории. И не дано знать, какие силы определяют эти траектории. Стоит, наверное, всё же признать: даже если основной абрис чертят высшие силы, детали жизненного полёта прорабатываются самим человеком – его волей, характером и умом.

Примером может стать хотя бы судьба Василия Арсеньевича Величко – сначала неграмотной деревенской безотцовщины, а потом – писателя, спецкора главной газеты СССР, подполковника, орденоносца...

Был подпаском при царе – стал служащим при советах

Родился наш герой на Алтае – в с. Новенском/Новеньком Локтевской волости Змеиногорского уезда Томской губернии. Основано оно было в 1892 г. в ходе массового переселения крестьянского населения из Европейской части страны за Урал и *«заселено выходцами из разных российских губерний»*. Откуда на Алтай приехала семья с малороссийской фамилией Величко, теперь неизвестно.

С датой рождения В.А. Величко есть путаница. С годом проблем нет – 1908-й. А вот с числом и месяцем есть аж три варианта. Как водилось в крестьянских семьях, день рождения мать назвала Василию Арсеньевичу по церковному календарю – в Благовещение. По старому стилю это 25 марта. Это число он и использовал позже в официальном документообороте вплоть до карточки партийного учёта. Хотя правильнее было бы сделать поправку на новый стиль, согласно которому праздник Благовещения приходится на 7 апреля. И только на второй половине жизни ему на глаза попала метрическая выписка, где датой рождения было указано 9 февраля.

Семья была зажиточной. По крайней мере, позже в анкете в пункте о социальном происхождении В.А. Величко указывал: *«Из крестьян, кулацкой семьи»*. Однако детство оказалось несладким. В три года мальчик потерял отца, а жизнь с отчимом не задалась. Чтобы прокормиться, пришлось рано наниматься в подпаски, однако же – и это оказалось важно для дальнейшей судьбы – 3-классную приходскую школу он всё же закончил. Что и позволило ему в 1919 г., когда он ушёл из семьи и родного Новенского в волостное село Локоть, поступить на службу рассыльным в лесничество. Неграмотных на такую должность не брали. Забегая вперёд, надо сказать, что в будущем, когда Василий Арсеньевич станет «большим человеком» с московской пропиской, он заберёт к себе и мать, и отчима, из-за которого так

рано ушёл из дома. И только один этот поступок так красноречиво говорит о его натуре.

Но это будет потом. А в период смены режима Колчака Советами он перешёл на должность переписчика в Локтевской волостной ревком. Это было знаковым фактом биографии – Величко начал служить советской власти.

Был сыном кулака – стал преследователем кулаков

Не обременённый хозяйством сельский пролетарий и не связанный фамильными идеологическими стереотипами сирота – какой жизненный путь он мог выбрать? Только советский, коммунистический. К всеобщему социальному равенству. И в марте 1920 г. 12-летний Величко вступает в комсомол. Это ещё ничего – возрастные цензы комсомольские функционеры установят позже, и в те годы было немало куда как более юных членов РКСМ. Удивляет и даже вызывает некоторое недоверие другой факт из автобиографии В.А. Величко: что одновременно он вступил и *«в коммунистический боевой отряд по борьбе с кулацкими бандами»*. Немного позже этот отряд влился в 5-й отдельный батальон ЧОН (частей особого назначения), а боец Величко получил звание рядового *«второго разряда подготовки»*.

Главным назначением ЧОН было осуществление придуманной коммунистическими идеологами продразвёрстки – грабежа крестьянских хозяйств. Ожесточённое противостояние нередко принимало кровавые формы, и не всегда хорошо вооружённые и подготовленные «военно-партийные отряды» одерживали верх над стихийно возникавшими группами озлобленных земледельцев. Так в августе того же 1920 г. в ходе развернувшейся в Сибири антибольшевистской крестьянской войны только в одном бою отряд, где служил Величко, потерял 11 чел. Сам он выполнял в том бою задачи разведчика.

Юный коммунары попытался даже поучаствовать в настоящей войне, а не только в избиении соотечественников. В группе добровольцев он направился на польский фронт, но по дороге следования был снят с воинского эшелона по причине малолетства.

Перед приведёнными биографическими фактами несколько меркнет даже яркий образ Аркадия Голикова, который вступил в компартию и Красную армию 14-летним – это всё же на два года старше Величко. Кстати говоря, судьбы двух этих людей очень схожи: оба юнцами пошли воевать против собственного народа, оба верно служили советской власти и коммунистической идее, обоим удалось выжить в годы сталинских зачисток, оба стали писателями, обоим пришлось надеть шинели в 1941-м... Правда, есть и разница: жизнь Гайдара оказалась короче, а писательская слава куда как громче.

Трудно сказать, как мог 12-13-летний пацан с начальным образованием церковно-приходской школы и минимальным жизненным опытом подпаска и рассыльного заниматься идеологической и организационно-партийной работой, но сам В.А. Величко на этом

настаивает. В своей автобиографии 1963 г. он пишет, что, помимо конфискаций и экспроприаций, в 1920 г. он проводил «партийные недели», создавал комсомольские ячейки в волости, организовывал сбор продуктов для голодающей советской России: *«Вся моя тогдашняя жизнь проходила исключительно в комсомоле... Вместе с другими проводил «Неделю сухаря», сопровождал вагоны с сухарями, собранными комсомолом, до города Омска, где формировались сибирские эшелоны с комсомольскими сухарями».*

Так начиналась карьера партийного функционера. В сентябре 1920 г. он участвует в работе I Алтайского губернского съезда комсомола, а в следующем году на II аналогичном съезде его уже избирают делегатом на IV Всероссийский съезд РКСМ, который состоялся в сентябре 1921 г. Напомним: Василию Величко 13 лет, а он уже ветеран боевых действий и участник молодёжного форума общегосударственного масштаба. И ещё напомним: эти факты взяты исключительно из его автобиографии, документального подтверждения им нет.

Был рядовым боевого отряда – стал рядовым идеологического фронта

Двадцатые годы – время таких, как Величко. Молодых, энергичных, жаждущих великих дел и верящих в коммунистическую идею. Он уже в г. Зайсане Семипалатинской губернии (Восточный Казахстан).

В 1923 г. он заканчивает службу в ЧОНе, а через год вступает кандидатом в РКП(б). и начинает учёбу на пропагандистском отделении Семипалатинской губернской советско-партийной школы II ступени. Уровень его подготовки таков, что он поступает сразу на II ступень. Через два года, весной 1926 г. перед выпуском – своего рода «дипломная работа»: мандат уполномоченного по хлебозаготовкам Бухтарминского уезда и задание партии обеспечить перемещение зерна из личных закромов в государственные. Выполнялся этот «диплом» непросто: *«Два раза в меня стреляли из ружей, один раз я стрелял из пистолета».*

Но «защита диплома» проходит на отлично: отныне В.И. Величко – пропагандист коммунистической партии. Причём пропагандист не по должности, не по строчке в ведомости на зарплату, а по убеждению, по своим жизненным целям. Позже в своей автобиографии он напишет: *«Я считаю, что, наряду с множеством граней, которыми обладает партийная работа, самая яркая грань и самая прекрасная – пропаганда».* Дальнейшая жизнь, все взлёты и пропасти карьеры Василия Арсеньевича

доказывают искренность его убеждений. И в период его пребывания в роли партийного функционера (ровно 10 лет – с 31 августа 1926 г. по 31 августа 1936 г.), и в десятилетия его журналистско-писательской деятельности.

Нелёгкую службу «рядового бойца идеологического фронта» он начал в Восточном Казахстане (Семипалатинской губернской и Сыр-Дарьинской окружной партийных организациях), продолжил на Северном Кавказе (в Дагестанской республиканской партийной организации) и закончил в Сибири (в Западно-Сибирской краевой партийной организации).

«Первая пора моей работы проходила в низовых формах – в школах-передвижках», – признавался сам Василий Арсеньевич. В Павлодарском уезде его «школа-передвижка» работала в сельхозартели «Красное знамя», в Сыр-Дарьинском округе – в Урджарском районе и в совхозе Пахта-Арал. Находясь на самой нижней ступени партийной иерархии, он был действительно рядовым, который выполняет самую тяжёлую работу и находится в гуще людей и событий, а не в тиши кабинетов с охраной на входе.

«Вторая половина пропагандистского десятилетия прошла в работе более общей, руководящей». Здесь В.А. Величко имеет в виду свои обязанности заведующего подотделом Семипалатинского губкома ВКП(б) и заведующего сектором пропаганды Дагестанского обкома ВКП(б). Тоже, прямо скажем, не высокие должности. Партийная карьера у него явно не задалась. Да и когда карьера удавалась у того, кто служит идее, а не руководству?

Десятилетие, на которое пришлось партийное функционирование Величко, – ключевое для Советского Союза. Это время формирования новой экономики, время коренной ломки устоявшихся отношений в сельском хозяйстве и создание коллективных хозяйств. Вся административная и идеологическая мощь уже укрепившегося партийного аппарата была направлена в этот сектор государственной жизни. И А.В. Величко на своём участке фронта воевал тоже. В частности он возглавлял или был членом нескольких комиссий по ликвидации крестьянских вооружённых восстаний против насильственной коллективизации (по лексике самого Величко – «кулацко-байский террор») в Сузаке и Бостандыке.

В.А. Величко. 1932 г. Из архива семьи В.А. Величко

**Был организатором колхозов у кочевников Юга
– стал защитником прав у невольников Севера**

Как, когда и почему Величко с юга страны перекинули на север, неизвестно. Скорее всего, обычная ротация кадров. Но в 1931 г. он уже работал инструктором Нарымского окружкома ВКП(б). Административно-территориальная карта Сибири в те времена значительно отличалась от нынешней. В частности современные северные районы Томской области были объединены в Нарымский округ с центром г. Колпашево и входили в административную единицу Западно-Сибирский край с центром г. Новосибирском.

Если среди «госслужащих» во времена А.С. Пушкина *«сущим мучеником четырнадцатого класса»* был станционный смотритель, то во времена В.А. Величко таким мучеником можно было назвать инструктора-пропагандиста. Он стоял на самой нижней ступеньке партийной иерархии. Это были рабочие лошади партийных комитетов, для которых стойка «смирно» была столь же естественной, как съёмная квартира и срочная командировка. Для Величко исполнение его обязанностей по контролю и формированию сознания коммунистов усугублялось сибирскими пространствами: его парторганизация *«была разбросана на пространстве 400 тыс. кв. км»*.

Немало такой безгласной и безликой номенклатурной мелочи маячило по коридорам Нарымского, а потом Колпашевского комитета партии за семь десятилетий соввласти, однако ныне никто не вспомнит не только их лик, но даже фамилию. А вот фамилия В.А. Величко на слуху, особенно последнюю четверть века. Почему?

Потому что это именно он написал в августе 1933 г. письмо в партийные органы о положении на острове Назино. Этот документ

оказался настолько неожиданным, пронзительным и возвышенно-трагичным, что его знают все, кто хоть немного интересуется новейшей историей Сибири или историей политических репрессий в нашей стране. Он много раз опубликован и в печатном виде, и в сети Интернет, поэтому здесь нет необходимости делать это ещё раз. Стоит лишь заострить внимание на одной очевидности: этого документа не было бы в природе, если бы не Василий Арсеньевич Величко. Сотни людей – и облечённых властью, и обывателей – знали о назинской трагедии, но только он осмелился сказать об этом настолько громко, что теперь это будет звучать всегда.

Вкратце суть дела такова.

В конце апреля 1933 г. из Москвы и Ленинграда на трудовое поселение в Сибирь были отправлены 2 эшелона «деклассированных элементов». По подсчётам В.А. Величко всего было отправлено 6114 чел. Кто это был? Часть – уголовники, часть – просто люди без документов, часть – несчастные жертвы репрессивной кампании, которых без всяких оснований просто задерживали на улицах, вокзалах, местах отдыха и включали в состав группы. Это был произвол потрясающего цинизма: хватали всех подряд, кто подвернётся под руку. Потом комиссия найдёт в составе этой группы *«инвалидов без ног, без рук, слепых, явных идиотов, малолетних детей без родителей»*.

Поскольку захват людей продолжался и по пути следования эшелонов, в Томске в конце мая в три баржи были погружены уже 6600–6800 чел. (никто не вёл точного количественного и поимённого учёта). Ни советские, ни партийные органы Нарымского округа совершенно не были готовы к приёму такого количества людей и пытались протестовать, но их никто не слушал. Местные сиблаговские структуры тоже не были готовы, но молчали. Они просто высадили людей на голом острове посреди Оби напротив п. Назино Александровского района. По более поздним данным комиссии Западно-Сибирского крайком ВКП(б) на берег были выгружены 6074 чел., в том числе много детей.

И начался кромешный ад. Ад даже на фоне протекавшего параллельно крестьянского спецпереселения – тоже бесчеловечного. Раскулаченные крестьяне прибывали к местам вселения пусть и с небольшим, но всё же запасом одежды и орудий труда. Кроме того, у них были необходимые знания и умения физической работы. По крайней мере, они могли быстро соорудить землянку или другое укрытие от непогоды. У собранных на улицах и в магазинах горожан не было ничего – ни тёплой

одежды, ни топоров или лопат, ни умения выживать в природе. Апрель в Москве и Ленинграде и начало июня в Сибири это совсем не одно и то же. Непогода и снег обрушились на одетых в костюмы и лёгкие платья людей, запертых на голом острове посреди свинцово-холодной Оби. И ещё тотальный голод. И поварные болезни. И террор уголовников. И издевательства охраны... Дело дошло до людоедства (это факт подтвердился и указанной выше комиссией).

В результате к 20 августа на острове остались примерно 2200 чел.; около 4500 чел., строивших социализм, были умерщвлены другими строителями социализма.

Трагедия острова Смерти (это появившееся среди местных жителей название живо и сегодня) была известна очень широкому кругу лиц – чиновникам советских и коммунистических органов, служакам Сиблага, местным жителем. Но все молчали. Громко сказал о ней только один – Василий Арсеньевич Величко: 3–22 августа того же 1933 г. он составил многостраничное обстоятельное письмо с указанием многих фактов, цифр и фамилий и отправил его трём адресатам – И.В. Сталину в ЦК ВКП(б), Р.И. Эйхе в Западно-Сибирский крайком ВКП(б) и К.И. Левицу в Нарымский окружком всё той же ВКП(б).

Есть сигнал – должна быть реакция. Была создана комиссия Западно-Сибирского крайкома ВКП(б), которая отчитывалась по результатам своего расследования перед ЦК партии. Конечно, ни инструктор Величко, ни краевая комиссия ситуацию в Александровско-Ваховской комендатуре изменить не могли. Во-первых, она была не изолированным фактом, случившимся без причин и следствий, а естественным продуктом той внутренней политики, которую проводили лидеры СССР и ВКП(б) во главе с вождём. Во-вторых, всё описанное в письме Величко уже произошло; как сказал кто-то из древних мудрецов *«То, что случилось уже, нельзя неслучившимся сделать»*.

Но трудно переоценить значение этого поступка. Были спасены некоторые конкретные человеческие судьбы и жизни, а это уже подвиг. Кое-кто из садистов был отдан под суд и наказан. Однако главное даже не это, а факт вывода страшной информации за границы ГУЛАГа в общее информационное поле. История об острове Смерти – сначала сценарий трагедии, а затем «разбор полётов» авторов этого сценария и исполнителей главных ролей – получила широкий резонанс и в партийных органах, и в обществе. Выводы были сделаны всеми. И то, что больше ничего подобного не случилось, что второй остров Смерти не появился, свидетельствует как раз о главном результате поступка Величко.

Хотя, отправляя это письмо, его автор рисковал не только своей карьерой, но и самой жизнью. И он прекрасно это понимал. Его жена Елена Ивановна Величко писала мне 29 июля 1999 г.: *«Я со слов мужа знаю, что его письмо было отправлено с курьером, а тот, кто отправлял,*

велел мужу срочно уйти в тайгу и не показываться, по крайней мере, полгода, что муж и сделал. Когда он вышел из тайги, ему под расписку дали прочитать решение по этому делу».

Остаётся загадкой, почему ни за это письмо, ни за последующие, речь о которых пойдёт дальше, неутомленного партинструктора из нарымской тьмутаракани не отправили на какой-нибудь подобный остров Смерти поразмышлять перед своей кончиной, надо ли сомневаться в действиях зодчих социализма, а тем более изливать свои сомнения в письмах в ЦК ВКП(б). Миллионы людей в те годы сгинули куда как за меньшие провинности перед властью.

Известна реакция секретаря Нарымского окружкома партии К.И. Левица, что В.А. Величко превысил полномочия инструктора-пропагандиста, но дальнейшего развития она, к счастью, не получила. Возможно, причина тут кроется в особых отношениях его подчинённого и его же непосредственного руководителя – всесильного секретаря Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б) Р.И. Эйхе. Андрей Васильевич Величко – сын Василия Арсеньевича – в письме мне от 6 августа 1999 г. сообщал: *«...По воспоминаниям отца, весьма важную роль в те далёкие годы играли его хорошие знакомые, может быть, можно сказать, верные друзья: Эйхе, Шаменко, Серебрянниковы».* Это потом, когда Эйхе, уже приговорённого к расстрелу, будут на глазах Берии избивать так, что выбьют глаз, дружба с ним станет смертельно опасной. Но пока он руководит коммунистами всей Западной Сибири, активно организывает репрессии на подведомственной территории, а в качестве члена особой тройки НКВД СССР сам приговаривает к смерти тысячи людей, его покровительство – лучшая защита. Руки коротки у Левица наказать своего партинструктора. И отзыв Величко в 1936 г. из окружкома в распоряжение крайкома (однозначное повышение по лестнице партийной карьеры), который изменил судьбу и, скорее всего, сохранил жизнь возмутителя нарымского спокойствия, тоже не мог состояться без доброй воли Р.И. Эйхе.

Даже если окружающие и не знали об особых отношениях Величко и Эйхе, они всё равно остерегались его, поскольку неустранимость всегда граничит с авантюризмом, а его поступки отличаются именно безрассудной смелостью. Человека, который пишет напрямую Сталину, лучше обойти стороной – мало ли что? К такому выводу подталкивают некоторые воспоминания из того же письма Е.И. Величко: *«Пока был жив Сталин, мужа побаивались, так как Сталину нравилось, как он писал. Муж же со Сталиным никогда не разговаривал и видел его только на параде и стоял в почётном карауле у гроба».*

Был нарушителем спокойствия у сосланных на Оби – стал строителем социализма у аборигенов на Кети

Дорусское население Сибири три с лишним века вплоть до установления советской власти сохраняло свою относительную автономию – и территориальную, и административную, и языковую, и культурную. Оно жило своими поселениями на закреплённой за ними территории, владело немалыми промысловыми участками, многие (особенно женщины) не знали русского языка, а тесное общение с русскими случалось лишь на ярмарках. Новая власть, утверждавшаяся «всерьёз и надолго», допустить такого не могла: все граждане должны были лишиться средств производства и быть вовлечёнными в труд на благо государства. В том числе и эвенки – кочевники и оленеводы. К ним после окончания назинской эпопеи и отправили передвижную политшколу В.А. Величко.

Конечно, это был очень интересный опыт – и организации агитационно-пропагандистской работы в целом, и новоиспечённого нарымчанина в частности. Сам Величко в официальном отчёте признавался, что он не имел ни общеэтнографических знаний о народе, среди которого должен был работать, ни методических документов: *«Нужно прямо сказать, что я лично выехал из Колпашева, не имея никакого представления о тунгусах-кочевниках, если не считать ложных рассказов о них и скудных знаний из дореволюционной литературы... И партийных решений по тунгусско-кочевому вопросу, как известно, нарымская организация не имеет».*

Пребывание окружкомовского пропагандиста у эвенков напоминает историю И. Эренбурга о семейной жизни бельгийского коммуниста в 1920-х гг. Тот, желая поддержать коммунистические интернациональные убеждения на деле, женился на женщине из СССР. И был убеждён, что его спутница полностью разделяет его политические убеждения и устремления к коммунистическому завтра. Женщина же была обычной потребительницей с кругозором мелкого обывателя и запросами, не выходящими за пределы мещанского быта. Однако шлюпка семейного счастья не тонула, спрятавшись за банальным языковым барьером: муж не знал русского языка, а жена – ни одного европейского. И каждый жил не с человеком, а с придуманным самим же образом. Союз пропагандиста Величко с эвенками опирался на то же. Только здесь был не лингвистический барьер, его с помощью переводчиков удавалось худо- бедно преодолевать. Существовала мировоззренческая стена, которая, к счастью, не стала баррикадой. Просто каждая сторона при нулевом эффекте всего мероприятия полагала, что она достигла своей цели.

Эвенки с удовольствием посещали все занятия. Причём в полном составе стойбищ – *«все взрослые, за исключением больных»* – 51 чел. Мотивация была проста и апробирована ещё православными миссионерами три века назад – упаковывать нужную идеологию в обёртку мелких подачек. Святые отцы за крещение давали куски сукна, холста, а то и новую рубаху. Нарымский окружком оказался то ли победнее, то ли поприжимистее и за посещение политбеседы ограничился угощением чаем и конфетами (последние, как пишет Величко, *«чтобы не плакали – не мешали – дети»*).

Прихлёбывая дармовой чай, оленеводы и охотники, никогда не покидавшие своего лесного мира, позволяли приезжему организовывать встречу по его усмотрению. И тот со всей ответственностью проводил все необходимые в таких случаях процедуры, которые для эвенков были не более чем пустыми проявлениями ирреального для них мира: проводил выборы старост; писал протоколы собраний; собирал благодарности окружкому за присылку политшколы, показывал портреты вождей, плакаты о колхозах и заводах, модели трактора и автомобиля, сделанные школьниками из Максимкина Яра, а также аэроплана и паровоза, выструганные лично самим из дерева.

В конце встречи Величко с радостью подводил итоги: *«Вождей всех, за исключением Энгельса, узнали по портретам. Даже дети узнали Ленина, Сталина и Калинина»*. И тут же торопел от вопросов аудитории: *«Каков нынче промысел в Москве, много ли белки?», «Есть ли в Москве соболь, запрещён ли на него промысел или нет?»*.

Разнонаправленность интересов лектора и аудитории была, конечно, абсолютной. О чём вещал окружкомовский пропагандист? «Организация бригадного промысла», «Законы СССР», «Соввласть и ВКП(б)», «Национальная политика партии и Советской власти», «Первая пятилетка», «Вторая пятилетка», «Об укреплении обороноспособности страны», «Социалистическое освоение Севера», «Кооперирование», даже «Культурная революция».

А что интересовало слушателей? Женщина приносит купленный нож, негодно сделанный, и спрашивает, кто за это должен ответить. Тот же вопрос задаёт мужчина, демонстрируя патрон, который разрывается в патроннике и выводит ружьё из строя. После лекции о советской власти и коммунистической партии лектор предполагает вопросы по теме, а у него спрашивают, где купить посуду для приготовления пищи. После контрольного вопроса о цели второй пятилетки он ожидает рассуждений о строительстве бесклассового общества, а ему предлагают своё видение этой цели: *«Чтоб охотник лучше добывал, и ему было легко, чтобы ночевал в землянке [а не в снегу]. Нам будет легче и промысел лучше»*.

Разными были и цели участников встречи. Величко в духе партийных задач того времени изо всех сил искал классовых врагов. Он так сокрушался

потом в отчёте о поездке, что проглядел такого врага: *«Вначале было совершенно темно: кто кулак, кто бедняк, кто середняк, кто шаман – неизвестно. Это наложило свой отпечаток на комплектование. Так, вначале неузнанный, потом в конце занятий оказался в моей школе шаман. Правда, шаман старый, потерявший популярность, но шаман...»*. А второго врага, который посмел на встрече обронить фразу *«Как без шамана промышленнику? Кто выручит?»*, Величко указывает по фамилии, имени, отчеству и социальной категории («кулак–лишенец»). Как будто специально для заинтересованных органов, поскольку больше никого из слушателей своей передвижной политшколы он так подробно в отчёте не упоминает.

Эвенки же – очень малочисленные и потому вынужденные поддерживать своё единство в тяжёлой борьбе за выживание – не хотят внутренних распрей, учение о классовой борьбе для них также эфемерно, как Ветхий завет. Поэтому на каверзный вопрос лектора *«Кто враги трудящихся русских, тунгусов, остяков и др.?»* они бодро отвечают *«Врагов больше нету – выгнали»*. Коммуниста Величко в условиях «обострения классовой борьбы» такой ответ не устраивает, он настаивает на противоположном. Возникает спор. В конце концов, этикет гостеприимства и стремление завершить дискуссию вынуждают одну из женщин компромиссно сказать: *«Не всех ещё выгнали, есть кое-где враги: кулаки русские, тунгусские, остяцкие и заграничные буржуи»*. Обоюдное удовлетворение.

Правда, каплю классовой злобы в души эвенков пропагандисту заронить всё же удалось. Если не получилось их настроить друг против друга, то сам бог велел натравить их на соседей – спецпереселенцев. Это нетрудно сделать, поскольку те: а) не эвенки, б) пришлые. И аудитория, прослушав обличения партийного агитатора, на вопрос о цели первой пятилетки с готовностью отвечает: *«Чтобы кулака сделать спецпереселенцем, чтоб он здесь работал и там не мешал, а то они там жили без работы»*. А старуха Они Чамба интересуется о спецпереселенцах, которые в это же самое время буквально в двух сотнях километрах умирают от голода в подкомандатурных посёлках: *«Они работают сейчас сами, или по-прежнему на них работают батраки?»*.

Трудно удержаться и не представить условия и обстановку, в которых работал В.А. Величко. Ещё одна цитата из его отчёта: *«Сбор на занятия своевременный. Нужно особо сказать о женищинах: они приходили со своими детьми, с грудными и ползающими. В чуме они привязывали к палкам грудных детей (в своеобразных сидельниках), и они мирно висели во время беседы. Конфеты были порукой тишине и спокойствию. Правда, беседы сильно дезорганизовывали щенята (которых премногое количество в каждом чуме), они играли с детьми, грызли конспекты и пр. И против них был найден выход: их завязывали в мешочки. В общем, обстановка для*

беседы трудная: в чуме дым, особенно когда мороз, костёр горит неравномерно: заслушиваясь, забывали о костре. Перегруженность чума: 16 слушателей, 12 детей и больше десятка собак и щенков».

И ещё одна цитата об условиях работы рядового пропагандиста в те годы. От места эвенкийских кочевий до окружного центра г. Колпашева более 1500 км. После окончания работы своей политшколы Величко отправился в свой окружном пешком по тайге, которая уже впала в весеннюю распутицу. *«На пути примерно в 600 км в совершенно дикой безлюдной тайге я заболел воспалением лёгких. Я перенёс болезнь у костра, один, причём сжёг решительно всё, что могло гореть, так как другой возможности разжигать костры не было. На вторую неделю болезни у меня открылось кровотечение горлом, и я уже ничего не помнил. Но я выжил и вышел в остяцкие юрты Алипка, откуда и был свезён милиционером в больницу в Максимкин Яр...».*

Подводя итог работы Величко у верхнекетских эвенков в 1934 г., важно отметить один из результатов – письмо Сталину (официально адресованное в ЦК ВКП(б)). Эффективность этого механизма Василий Арсентевич оценил по назинскому опыту, однако и выводы им были сделаны правильные. Посему на этот раз отправителем письма был указан не колпашевский инструктор, а «группа товарищей из племени Кемо».

Само письмо не опубликовано и неизвестно, сохранилось ли оно в архивах. Но о нём много раз сказано в отчёте окружкомовского пропагандиста. По сути дела, идея письменно обратиться к вождю народов, родившаяся на третьем занятии, обсуждалась и наполнялась содержанием потом ежедневно. Именно она стала *«основным стержнем, который пронизал всю школу, все беседы и занятия, и, таким образом, помог несказанно»*, *«с письма начинаем беседу и письмом кончаем»*. Любопытно, что самыми горячими сторонниками письма стали девушки. Они же много фантазировали, как именно хозяин Кремля будет читать их послание.

И предложение изготовить курильщику Сталину подарок – трубку – тоже прозвучало от женщин. Они не только контролировали выбор материала – кап лиственницы, – но и придирчиво проверили работу готового изделия.

Судя по обсуждениям, прежде всего, в письмо вошёл популярный тогда сюжет таких обращений – рассказ *«о беспросветной жизни нашего народа до революции и о его расцвете в наши дни под руководством родной Коммунистической партии и лично тов. Сталина»*. Было и необходимое в те годы бряцанье оружием: *«Заграничных буржуев мы не боимся. Если пойдут на советскую власть, мы ружьё от белки повернём на буржуазию. Плохо ей придётся от выстрела тунгуса: мы редко стрелим мимо»*. Конечно же, не обошлось без частных вопросов: молодёжь писала о своём желании

учиться, мужчины предлагали весной в с. Максимкином Яру организовать советскую туземную ярмарку, в рамках которой провести съезд всех кочевников–эвенков *«по вопросам оседания»* (переходу к постоянному проживанию в посёлках). Было даже предложение молодой девушки *«писать о бисерах»*, но смысл его сегодня неясен. Скорее всего, речь шла всё о том же проклятом дефиците, на этот раз – дефиците бисера. Среди сибирских народов вышивка бисером всегда была популярной, но наиболее богата такой вышивкой одежда эвенков. Было и обещание перевыполнить договоры по заготовке пушнины и сверхплановые шкурки подарить Сталину. Главным же, судя по всему, стала просьба помочь «кочевникам-тунгусам» перейти к оседлому образу жизни.

Можно по-разному относиться к этому эвенкийскому письму первому лицу государства. Не стоит лишь сомневаться, что его инициатором стал В.А. Величко. Это выходило за рамки его должностных обязанностей окружного политинструктора. Но, видимо, было проявлением его неравнодушного характера, частью его морального убеждения, что строительство социализма сопряжено не только с классовой борьбой (ею он занимался с 12 лет), но и с заботой о конкретном человеке. Цели этой поездки он сформулировал только двумя пунктами – *«понаблюдать классовое расслоение и классовую борьбу среди тунгусов»* и *«узнать нужды этих людей»*. Для подавляющего большинства его коллег достаточно было первого. Для Василия Арсеньевича две этих цели были неразрывны и постоянны всегда.

Кстати говоря, как и в первый раз, письмо сыграло свою положительную роль. По требованию ЦК ВКП(б) помочь «товарищам тунгусам» и краевые, и окружные власти, взяв под козырёк, бодро изыскали ресурсы для создания Орловского кочевого совета и строительства на р. Орловке крупного посёлка «для оседания» кочевников-эвенков (*«настоящий городок со школой, двумя магазинами, лечебницами для людей и оленей»*, – писал Величко).

Спустя несколько лет В.А. Величко уже в статусе писателя снова вернулся к эвенкам Кети. Из фондов Томского областного краеведческого музея

Эвенки читают газету. Конец 1930-х гг.
Из фондов Колпашевского краеведческого музея

Эвенки у гидросамолёта. С. Максимкин Яр на р. Кети. Конец 1930-х гг.
Из фондов Колпашевского краеведческого музея

Школа-интернат, магазин, больница, дом культуры - всё это было построено для эвенков по письму В.А. Величко в ЦК ВКП(б) и И.В. Сталину.
П. Орловка Верхнекетского района. Конец 1930-х гг.
Из фондов Колпашевского краеведческого музея

Был обвинителем – стал обвиняемым

В конце августа следующего 1935 г. В.А. Величко оказался ещё в одном медвежьем углу Нарымского края – в верховьях р. Тыма, заселённого селькупками. Масштабная трагедия раскулачивания и спецпереселения затенила собою другую трагедию – окончательное уничтожение традиционной культуры нарымских селькупов и васюганских хантов. Под каток социальных преобразований планировалось положить крестьянский уклад народов России, но попутно туда попали и остатки этнических культур малых сибирских этносов. Правда, никто, кроме них самих, этого не заметил.

Массовое размещение в Нарымском крае десятков тысяч подневольных спецпереселенцев, формирование сети комендатур, принудительное создание сотен колхозов, ориентированных, прежде всего, на рыбодобычу и лесозаготовку, привели к кардинальной ломке устоявшихся экономических, социальных и межэтнических связей в регионе. Большие и наиболее продуктивные промысловые участки, которыми на основании традиционного права владели селькупы, ханты и русские старожилы, изымались и передавались колхозам. Удобные территории застраивались новыми посёлками, раскорчёвывались и превращались в сельскохозяйственные угодья. Для компактного проживания прежде разбросанного по всему Среднему Приобью селькупского и хантыйского населения, враз лишившегося промысловых угодий, а значит и средств к существованию, 10 декабря 1932 г. была создана резервация – Тымский туземный район. Просто от Каргасокского района Нарымского округа Западно-Сибирского края отрезали бассейн р. Тыма и объявили его новой административной единицей.

Вот туда-то – в самые верховья Тыма – и отправили инструктора Величко. Ситуация была архисложная. На территорию, которой издавна владели тымские селькупы, были вынуждены переселяться лишённые своих угодий селькупы и ханты с Кети, Парабели, Васюгана, Ваха. Здесь же прятались займки староверов. Сюда же, игнорируя запрет на расселение русских, правдами и неправдами пробирался разный люд, пытаясь вдали от властей утаиться от раскулачивания. На межэтнические и экономические противоречия самых разных групп местного и пришлого населения накладывался и «политический момент» – надо было срочно ликвидировать единоличные хозяйства и создавать колхозы.

Экономические ресурсы, а значит и реальная власть на этом отрезанном от мира куске Нарымского края, принадлежали Тымской промыслово-охотничьей станции Запсибпушнины (ПОС). Её центром

были юрты Ванжиль-Кынак, а директором – П.И. Кутафьев (между прочим, будущий глава Колпашевского краеведческого музея и организатор первых крупных археологических работ на этой территории). Это хозяйство обслуживало охотпромысел местных селькупов, целью его экономической деятельности была приёмка пушнины от них. Поэтому оно было заинтересовано в сохранении status quo; заниматься обустройством пришлого люда – без промысловых угодий, без жилья, без орудий промысла, без продовольствия, а зачастую и без одежды – администрация не хотела. К этому нежеланию что-то менять надо приплюсовать не столь уж великие ресурсы хозяйства, российское раздолбайство и чванливость новоявленных князьков-руководителей. В итоге – неразбериха, голод, сломанные судьбы, смерти...

Поселившийся в Ванжиль-Кынаке инструктор Нарымского окружного комитета ВКП(б) В.А. Величко ни в силу своих обязанностей, ни по причине своего азартного характера не мог, во-первых, остаться в стороне от критической ситуации, во-вторых, не войти в конфликт с хозяевами ПОС. В итоге им снова был приведён в действие тот же механизм, что и прежде – письма во все возможные инстанции. На этот раз Василий Арсеньевич Иосифа Виссарионовича решил не беспокоить и ограничился адресами Тымского райкома ВКП(б), Нарымского окружкома ВКП(б) и Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) (в последнем случае лично первому секретарю Р.И. Эйхе). По жанру (что-то среднее между документальным очерком, докладной запиской и личным письмом), стилю и лексике это 12-страничное сочинение очень напоминает послание Величко о событиях на острове Назино. В нём тоже присутствует множество фактов, фамилий, цифр, географических названий и прямых цитат.

Самым главным обвинением был факт смерти людей из-за преступной халатности руководства ПОС. Это были селькупы с Кети и Оби, которых осенью 1933 г. Нарымская окружная контора Запсибпушнины набрала для охотпромысла на р. Переляке и Капкесе в самых верховьях Тыма. Тымская ПОС была обязана обустроить новосёлов и снабдить их продовольствием на грядущую зиму, однако завезла изгнанников за три сотни километров от Ванжиль-Кынака и бросила на произвол судьбы. Заготовить продовольствие на зимний период времени уже не было. Все просьбы о помощи П.И. Кутафьев со товарищи проигнорировали. В результате к весне 20 чел. умерли от голода и цинги. Ещё несколько человек скончались, когда выжившие после зимовки сплавлялись на лодках вниз по Тыму.

Было много и других обвинений в адрес руководства ПОС, которое в письме прямо называется «бандой»: в экономическом удушении колхозов в юртах Нюлядрово и Лымбель-Карамо; в обчёте и жульничестве при приёмке пушнины и дикоросов; в разбазаривании и расхищении

государственных средств; конечно же, в духе времени — в чуждом социальном происхождении и порочащих родственных связях. И всё это с приведением конкретных сумм и фамилий.

Заодно В.А. Величко привёл факты и с других территорий, уже выходящих за границы деятельности Тымской ПОС: о смерти двух школьников по вине учителя, об убийстве 13 эвенков в верховьях р. Чижапки, о бездеятельности окружного «Красного чума», который занимается *«скольжением по воде, приятным отдыхом, но не обслуживанием колхозов и колхозников»*; о голоде и педикулёзе в интернатах Напаса и Вертикоса и ещё о многом, что, по мнению автора письма, является *«искривлением и прямым срывом нацполитики партии»*.

В своём послании Величко прямо обвинил органы исполнительной власти района и округа в игнорировании своих обязанностей на вверенной им территории и в равнодушном отношении не только к судьбам, но и самим жизням населения. Однако не это было самым страшным обвинением, а указания на экономическую агрессию ПОС, где *«угнездились капиталистические элементы»*, против молодых колхозов и на *«поддержку единоличника»*. Это были уже политические обвинения.

Наверняка автор послания надеялся на повторение эффекта двух своих предыдущих писем — о Назино и об эвенках Верхнекетья. Однако на сей раз этого не произошло. Видимо, терпение окружкома партии лопнуло, и он не захотел далее терпеть в своих рядах работника, который выносит сор из избы и обращается через голову в сторону вышестоящего начальства — к самому Р.И. Эйхе. Дважды по письмам Величко Нарымский окружком ВКП(б) во главе с К.И. Левицем вынужден был зачищать свои грехи, на третий раз он решил поставить зарвавшегося инструктора на место. В конце 1935 г. в верховья Тыма выехали помощник окружного прокурора и работник НКВД...

Нам неизвестны результаты их проверок и принятые по этому поводу документы, но их нетрудно предугадать по покаянному письму возмутителя спокойствия, написанное 19 марта 1936 г. уже в г. Колпашево. В нём Василий Арсеньевич полностью отрекается от своего послания. Любопытен перечень лиц и инстанций, который он приводит в качестве катализаторов своего «прозрения»: *«...Рядовые коммунисты Тымской парторганизации и её руководители, товарищи, выделенные окружкомом для проверки моих писем, и сам окружком в лице членов бюро и секретаря т. Левиц...»*. Очевидно, давление оказалось очень мощным, коли покаяние было таким самоуничижительным: *«...Я решительно отказываюсь от указанных писем, осуждаю их так же, как и поступки, связанные с ними»*; *«...Эти документы... являются антипартийными, прямо клеветническими»*; *«Эти письма... чудовищно извращённые»*. По законам жанра Величко указывает на причину своих «заблуждений» (*«Всё дальше и дальше уходя в тайгу..., я оторвался от партии и, в частности, от Нарымской парторганизации»*) и просит о снисхождении (*«Нет, я не враг, товарищи! И я не пропащий человек. Мне 28 лет. Предо мною ещё много лет. Я докажу свою*

преданность партии, искуплю свои преступления перед нею»).

Наверняка это письмо далось Василию Арсеньевичу нелегко. На кону стояли его убеждения и его жизнь. Тысячи людей вокруг гибли куда как за менее тяжёлые проступки, чем у Величко, а то и вовсе без оных.

Именно в этом послании он, может быть, сам того не ведая, дал себе самую точную образную оценку – **«таёжный Кихот»!**

И именно эта история стала последней в биографии Величко–партфункционера. Видимо, пришло понимание бесплодности борьбы с ветряными мельницами. Или сыграло чутьё самосохранения: ведь останься Величко в составе окружкома, не пережить бы ему партийную зачистку следующего 1937 г.

Ещё в своём письме о ситуации в Верхнетымье он просил (опять же через голову своего прямого начальства в Нарымском окружкоме) самого Р.И. Эйхе отпустить его с миром с партийной работы на писательскую стезю: *«Последние 6 месяцев я не написал ни строчки... Пропагандистская работа отбирает всё больше и больше времени... Меня же все писатели обогнали... Я не вижу конца своим странствиям по нарымской тайге. Я прошу Вас – пусть крайком отзовёт меня в своё распоряжение».* Видимо, плач из нарымской тайги долетел до Новосибирска, поскольку уже с 20 марта 1936 г. (на следующий день после покаянного письма) Величко уходит в двухмесячный отпуск *«в связи с большим переутомлением и слабым состоянием здоровья».* Можно, конечно, поёрничать по поводу такой формулировки для отпуска молодого мужчины. Но лучше вдуматься в эти строки из его автобиографии: *«В нарымской тайге я проработал около пяти лет. За эти годы по моим тщательным подсчётам я не провёл и сотни ночей под крышей, а все – у костра... Следуя по тайге..., где определено провести партию или проверить коммунистов, занимающихся партийным самообразованием, я по неделям не встречал не только населённого пункта, но и человека».* Работал он действительно на износ. Гвозди бы делать из этих людей...

После возвращения из отпуска Величко ещё немного работает в Нарымском окружкоме, а в середине июня, получив путёвку и 255 руб. проездных до Новосибирска, покидает Нарымский край. Отныне эта земля будет у него только в воспоминаниях и снах. Даже с фронта в 1944 г. он будет писать своей жене мечту-намерение: *«Родная моя, мы поедem в тайгу хоть на часок».*

И ещё нарымская земля – природа и люди – навсегда останется в книгах Василия Арсеньевича. В строй советских писателей он вступил с темой социалистических преобразований именно в Нарымском крае (очерки «Ваня-обманщик» 1934 г., «Трое и один» 1935 г., «Мэванду» и «Мадет-куп» 1936 г. и др.).

Скорее всего, ещё пару месяцев В.А. Величко числился в штате пропагандистской группы Запсибкрайкома партии, а 31 августа 1936 г. он официально вышел из состава партноменклатуры, оставаясь коммунистом по убеждению и продолжая пропаганду коммунистической идеологии в качестве журналиста и писателя. Он программно заявлял: *«Своё писательство я так и мыслил: как продолжение партийной пропаганды»*.

В.А. Величко. 1936 г. Из архива семьи В.А. Величко

**Был «партийно-пропагандистский» этап жизни –
стал «партийно-литературный»**

С 1936 по 1941 г. В.А. Величко – сотрудник печатного органа Запсибкрайкома партии газеты «Советская Сибирь». Публикаций немало. И во всех виден всё тот же «таёжный Кихот» Величко. Не лишённые литературной привлекательности, написанные легко и понятно, что доступно лишь хорошему журналисту, они могут быть разложены на две стопочки.

В той, что побольше, лежат сказки в стиле соцреализма. Пасторально-советские сюжеты о строителях социализма в Сибири – колхозниках, охотниках, рыбаках, партийных работниках... Всё красиво и идейно. Журналистика очень часто отодвигается в сторону и на передний план выходит литература. Величко старается показать не только действие, сюжетную оболочку, но и «внутреннюю работу» своих героев – как под

воздействием новых социалистических реалий меняются их сознание, мораль, мотивация поступков.

Под стать лубковым сюжетам и стиль с лексикой: неграмотные и малограмотные жители нарымской глубинки говорят высокопарно и «по-писательски» заумно. Вот маленький образчик из большого на весь «подвал» газеты очерка «В извозе» за 1940 г. Главный герой Григорий Зотиков – старший колхозного обоза – заметил, что его напарник украл кнут у члена другого колхоза, да не просто кнут, а колхозный кнут! И рассуждает: *«Да, отягощён ещё сибирский человек старой навывкой – всё себе приготовить. Но я думаю, что и это с помощью государства ликвидируется, и все станут блюсти да гоить колхозное господарство и старые навывки забудут. С помощью государства ничего не страшно!»*.

А как Вам сюжет, когда вернувшийся с долгодневного промысла в с. Александровское охотник, даже не распрягая нарты, не переодеваясь и не умываясь, бежит в театр? *«Чёрный от дыма, прокоптившего лицо и руки там, в тайге, усталый от перехода, он сидит где-нибудь в уютном партере театра и смотрит «Грозу»*.

Когда читаешь эти небылицы, всё время возникает каверзный вопрос: «Интересно, а сам Василий Арсеньевич верил в то, что писал?». Скорее всего, нет. Просто он на своём участке борьбы за социализм реализовывал сталинскую идею создания «нового человека», своего рода Homo sovieticus. Он писал не действительность, а свои идеальные представления о ней, красивую мечту о земле, которую он действительно любит и которой желает блага. Его вполне можно назвать «нарымским Кампанеллой». Это сходство проявляется даже с формальной стороны, оба коммунистических утописта почти одинаково называли придуманные ими города – прообразы светлого будущего: итальянец – Город Солнца, сибиряк – Город Дочери Солнца.

Стопочка поменьше – это уже не сказки, это приговоры. Это публикации рождены уже другой идеей Сталина – идеей обострения классовой борьбы в период строительства социализма. Например, в 1936 г. Величко пишет серию статей под красноречивым названием «Кровь и диверсии» об инспирированном процессе над руководством кузбасских рудников и шахтоуправлений. Здесь автор, как и другие журналисты тех лет, не стесняется в выражениях, среди которых «ублюдки» и «выродки» едва ли не самые мягкие. И в духе и стиле публикаций той эпохи требует смерти для обвиняемых.

В эти же годы начинается активное литературное творчество автора (первый сборник очерков «Лось с серебряной цепью» начал печататься перед самой войной, но по понятным причинам увидел свет только в 1946 г.).

По содержанию это почти те же самые газетные пасторали. Герои очерков и тут тоже активно работают над собой и над другими, чтобы быть достойными светлого будущего страны в целом, и своего Нарымского края в частности. Чего стоит один только очерк «Вита и Демон», где герой – комендант спецпосёлка, истинный коммунист, озабоченный лишь радением за благо подопечных, а спецпереселенцы («ликвидированные кулаки») заняты исключительно собственным перевоспитанием и созиданием новой жизни. Они поют хором новую песню:

*«А в Нарым-то нас сослали...
Конфискация всего.
Без привычки трудно было.
А привыкли – ничего.
Шлю привет я комендантам,
Всем руководителям;
Пусть научат, как прожить нам,
Мирным строителям...».*

Читая эти выдаваемые за фольклор вирши самого Величко, трудно поверить, что всего лишь 4 года назад он собственноручно записывал у трудпоселенцев Назино совсем другие песни:

*«Трудно нам, братцы, в Нарыме,
Трудно нам здесь умирать,
Как пришлось на острове Смерти
Людоедов нам всем увидеть».*

На литературном поприще В.А. Величко не изменил таким чертам своей натуры, как активность, работоспособность, лёгкость на подъём. Так вскоре после переезда в Новосибирск, уже в 1937 г. он был назначен политкомиссаром военно-морского похода «Новосибирск – Карское море» через полуостров Ямал.

Был селькором – стал военкором

Уже 22 июня 1941 г. в составе 24-й армии Величко отправился из Новосибирска на фронт в качестве литератора. *«Но первое время мне пришлось заниматься не писательством, а командовать стрелковой ротой в тяжелейших условиях отступления»*, – напишет он позже. И добавит: *«Главная черта моей литературной партийной работы на фронте – предельная близость к переднему краю, к передовой линии. Эта черта осталась жить в моих очерках до последнего дня войны, до последнего произведения»*. Наблюдая военную биографию Василия Арсеньевича, читая его очерки, надо с этим согласиться. Вот строки из письма генерала Дука и подполковника Гончарова в «Правду» от 15 мая 1945 г. *«В период боёв за*

город Берлин т. Величко находился в 82-й... дивизии. В дни самых ожесточённых схваток корреспондент «Правды» был в боевых порядках гвардейцев. Вместе с первыми подразделениями т. Величко форсировал речку Шпрее и канал Тельтов, под огнём переползал из роты в роту, беседуя с героями боёв, командирами рот и батальонов, и лично наблюдал их действия. В бою т. Величко был ранен в голову, но после перевязки снова ушёл в батальон и находился всё время среди гвардейцев переднего края».

Его фронтовой цикл, датированный от сентября 1941 г. до октября 1945 г., охватывает практически весь театр боевых действий Отечественной войны. Причём В.А. Величко каждый раз оказывался в нужное время в нужном месте – именно тогда и там, где решалась судьба войны. В 1941 г. он работал на Западном фронте, в 1943 г. – на Южном, в 1944 г. – в составе наступавшего 4-го Украинского, в апреле победного 1945 г. писал из поверженного Кенигсберга, в мае – фотографировался у разбитого рейхстага, а осенью – уже присылал свои корреспонденции из Манчжурии и с Тихого океана.

Войдя в войну корреспондентом газеты политотдела 24-й армии «За честь Родины» – обычной армейской газетки, вышел Величко из войны корреспондентом «Правды» – издания ЦК ВКП(б) и главнейшей газеты страны. И этого факта достаточно, чтобы понять качество и общественную значимость его публикаций. Его очерки «Падение Кенигсберга» и «Побеждённый Берлин» по указанию ЦК ВКП(б) были напечатаны отдельными брошюрами по полмиллиона экземпляров каждый. А после войны очерки фронтового корреспондента В.А. Величко – опять же по инициативе сверху – были опубликованы отдельной книгой «О великом и вечном», которая выдержала 5 изданий и была переведена на многие языки.

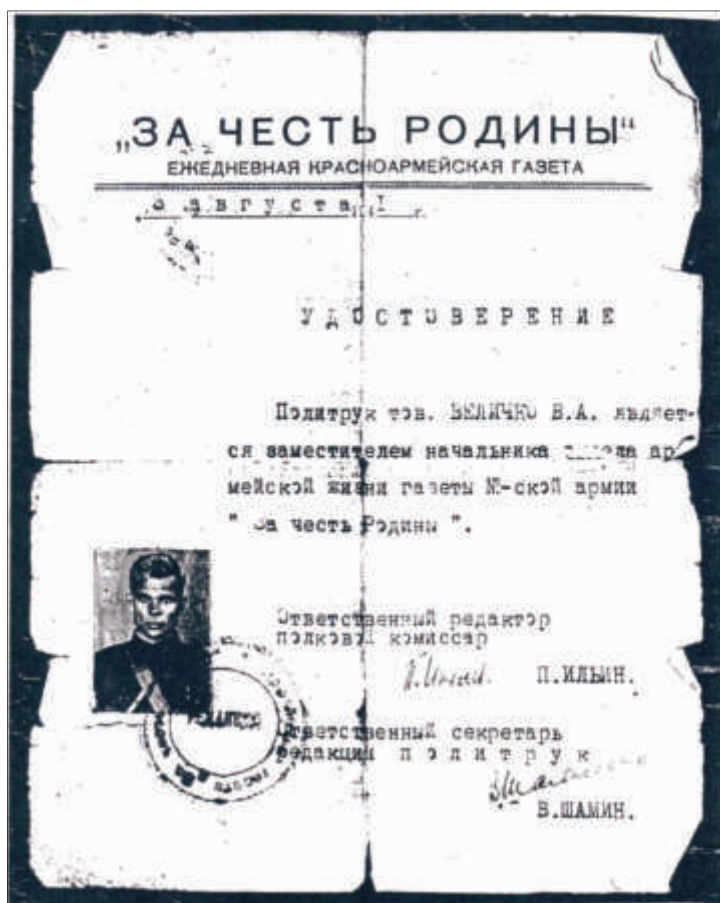
Сам автор – и этим он отличается от большинства коллег по писательскому цеху – не страдал излишним самомнением в отношении художественной ценности своих произведений, но понимал их общественно-политическую значимость: *«Мне трудно судить о долговечии всех этих произведений... Выдержали ли они испытание временем, мне тоже трудно судить. Но что они, эти литературные творения из огня боёв, сослужили какую-то службу Родине в трудную минуту и оказались нужны людям даже после войны, подтверждается массой читательских писем, а также, что они изданы в ряде стран...».*

Ещё один факт – на этот раз о содержании и стиле очерков. Часть литературных критиков и писателей (в том числе именитых) резко отрицательно отзывалась об очерках Величко, находя их чрезмерно жестокими и кровавыми. После войны было даже письмо в ЦК КПСС с требованием запретить «Правде» печатать очерки Василия Арсеньевича. Но поддержки оно не получило: писатель всегда следовал линии ЦК, и там

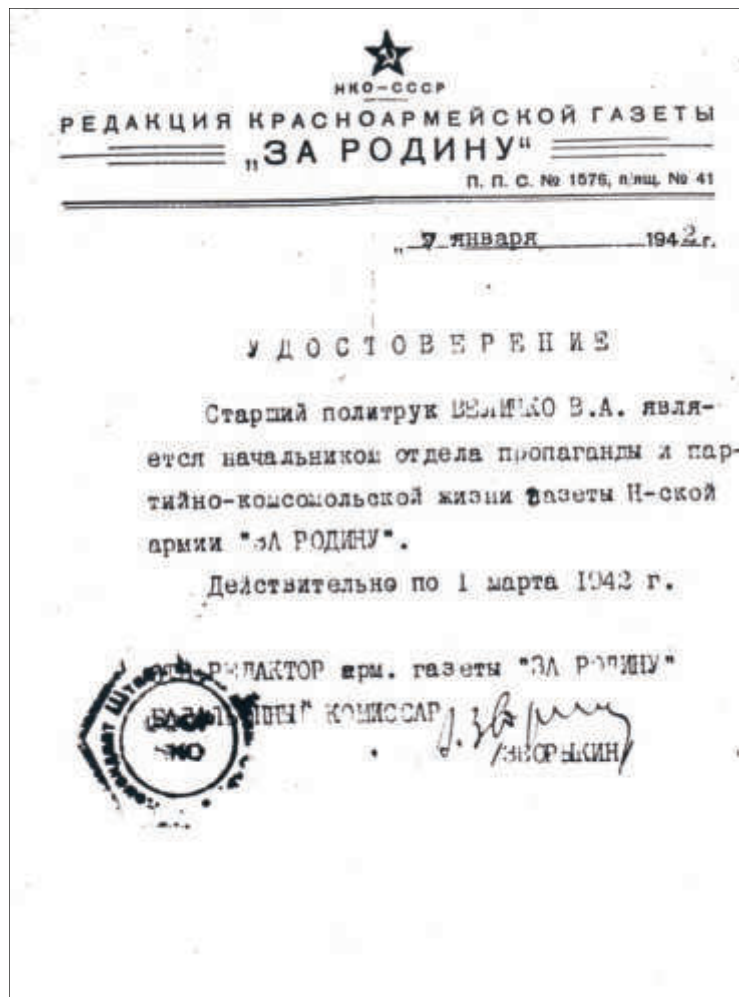
ценили такую верность. Не только ценили, но и поощряли, поэтому писатель дослужился до подполковника, был награждён пятью боевыми орденами и шестью медалями.

Но и цену за это признание он заплатил немалую. Тут самое время ввести его прямую речь: *«Сам я изрешечен и не имею ни одного живого места на своём теле. Ранения сопровождали мне всю войну: то в одну ногу, то в другую, то в одну руку, то в другую, то в голову, то в позвоночник – всего пять ранений, каждый год по одному ранению. Последний очерк с западного театра Великой Отечественной войны – из Берлина – я писал, будучи ранен дважды в один день при атаке имперской канцелярии»*. Есть фотография группы фронтовых писателей около поверженного Рейхстага, Величко там запечатлён с перевязанной головой.

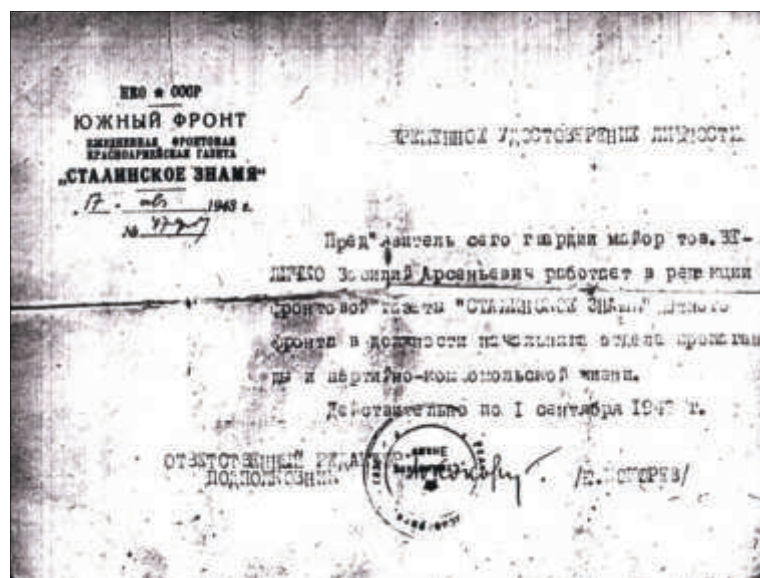
«После войны два года я провёл в кровопролитнейших хирургических операциях (более десяти), борясь за здоровье, за возможность двигаться».

Удостоверение сотрудника армейской газеты "За честь Родины" политрука В.А. Величко от 3 августа 1941 г. Из архива семьи В.А. Величко

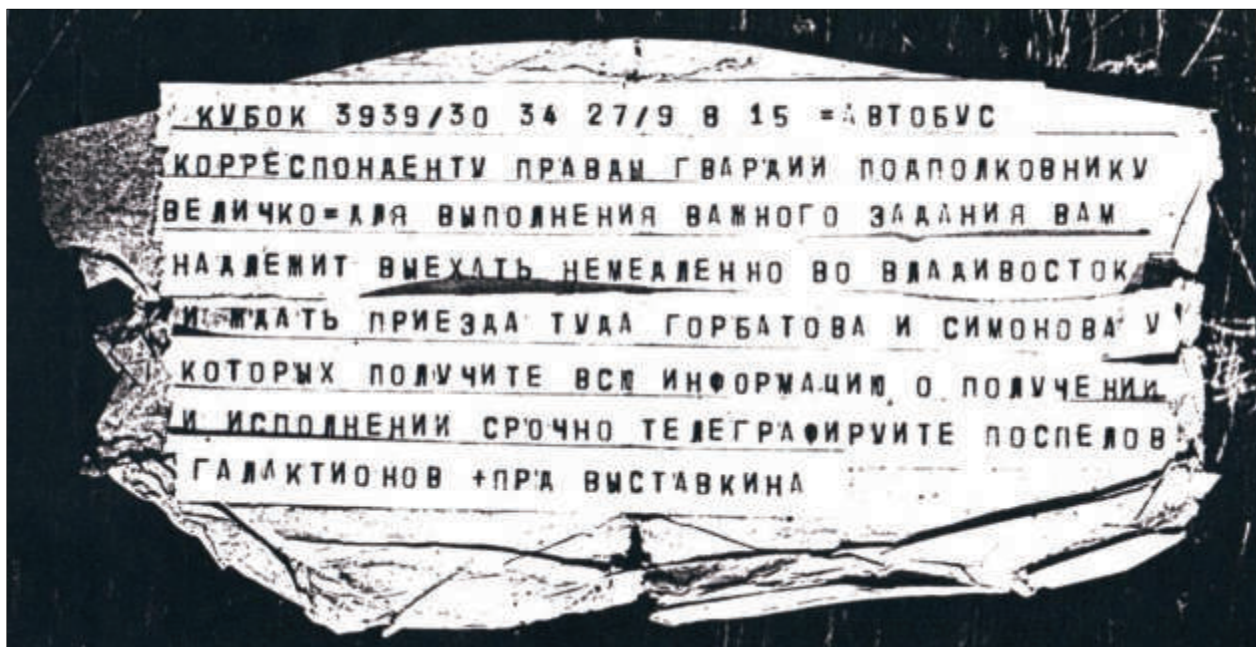
Удостоверение сотрудника армейской газеты "За Родину" старшего политрука В.А. Величко от 7 января 1942 г. Из архива семьи В.А. Величко

Удостоверение сотрудника армейской газеты "Сталинское знамя" майора В.А. Величко от 17 августа 1943 г. Из архива семьи В.А. Величко

Военные корреспонденты "Правды" у поверженного рейхстага:
В.В. Вишневский, И.И. Золин, М.И. Мержанов, Я.И. Макаренко, Б.Л. Горбатов,
В.А. Величко. 5 мая 1945 г. Из архива семьи В.А. Величко

Телеграмма с требованием В.А. Величко срочно выехать к дальневосточному театру военных действий. 27 сентября 1945 г. Из архива семьи В.А. Величко

Подполковник В.А. Величко с женой Екатериной Ивановной. 9 мая 1945 г.
Из архива семьи В.А. Величко

Был правдоискателем – стал правдистом

Специальным корреспондентом «Правды» В.А. Величко проработал около 12 лет – с 1944 по 1956 г. По словам его жены, он *«мечтал после войны уехать жить в Томск, но в «Правде» его не отпускали»*.

Несмотря на прогрессирующее нездоровье, он – как в Нарымском крае, как на фронте – стремился в самую гущу событий, и его послевоенные очерки – это тоже подлинные документы эпохи, уже мирной. (Маленькая ремарка по поводу документальности произведений Величко: в современных научных публикациях этнографов-сибиреведов можно найти сноски на очерки Василия Арсеньевича; настолько подмеченные им детали оказались важными и точными реалиями жизни). Если указания на место написания этих произведения, которые были приняты в советских газетах, отметить на карте, то ими покроется вся территория СССР: Воркутинский угольный бассейн, Большеземельская тундра, Ямал, бокситовые рудники Северного Урала, Таджикистан, Памир, Казахстан, Каракумы, Волго-Донской канал, Кривой Рог, Кузбасс, Вятка... Список очень и очень длинный.

Механизм агитпропа оставался таким же, каким он был в годы войны: сначала очерки появлялись в «Правде», а потом в виде сборника их выпускало какое-нибудь издательство – «Советский писатель»,

«Воениздат» и др. Тиражи были немалыми, на пропаганду в СССР бумагу не жалели. Проблема была только с читательским спросом. В конце 1990-х гг. я взял несколько книг В.А. Величко в Научной библиотеке Томского университета, пользователи которой – историки, обществоведы,

филологи, журналисты – кажется, могли бы заинтересоваться очерками своего земляка. Увы... Библиотечные формуляры были девственно чистыми, страницы нелистанными. Я оказался первым читателем через полвека после их выхода.

В послевоенный период коммунист Величко занимался не только литературой. Удостоверение корреспондента главной советской газеты открывало перед ним многие двери и информационные источники, а информация востребована всегда. Сам Василий Арсеньевич в автобиографии сказал об этом достаточно уклончиво: *«Моя работа в «Правде» не являлась только писательской. Она была партийно-организационной, когда появлялась в том нужда. Так, я выполнял поручения «Правды», весьма важные как для неё, газеты, так и для ЦК».* С Дальнего Востока он информировал о событиях в Манчжурии (движении подразделений Народно-освободительной армии Китая и эвакуации ставки Чан Кай-ши). Аккредитованный для работы на Нюрнбергском процессе, он посетил британскую зону оккупации для сбора сведения о проходящих там выборах. Там же, в Германии, Величко *«получил задание ЦК ознакомиться с положением в Руре, для чего совершил специальную поездку. Задание было выполнено (тогда стоял вопрос о четырёхстороннем управлении Руром наподобие Берлина)».* В 1948 г. Величко был даже включён в состав экспедиции «Северный полюс 2», которая работала в режиме строжайшей секретности и была частью программы по развёртыванию баз ВВС на севере СССР: *«Я был послан «Правдой»...и выполнял её задания как в гражданской части экспедиции, так и в военной её части, укреплявшей нашу воздушную границу и отрабатывавшей тактику поимки мыслимого атомного врага (в варианте атаки на советскую землю с мыса Барроу на Аляске). Задание было выполнено, и я получил награду».*

Параллельно В.А. Величко читал лекции об очерке как жанре литературного творчества в МГУ, на писательских и журналистских курсах и семинарах по всей стране, пробовал себя в литературной критике.

Но и это ещё не всё. Величко перестал бы быть самим собой, если бы снизил накал своей гражданской активности. Обилие пространных цитат вредит любому тексту, но нельзя не привести ещё одну. Она прекрасно объясняет многие действия «таёжного Кихота» – равнодушного, отчаянного, отзывчивого на чужую боль. Из автобиографии: *«Люди... обращались... не к кому-либо, а к корреспонденту, и не какой-либо газеты, а центрального органа партии, и не просто корреспонденту, а специальному. А я хорошо знал, что эти вопросы непосильны для страниц «Правды»... Я-то знал другое: до хорошего не добраться, если не сделать мне тех шагов, о которых я говорил выше. И знал я, что мои те шаги вызовут определённое*

недовольство, что я буду расплачиваться за них тем или иным образом, что как бы там ни было, даже при удаче, не пройдут они бесследно для меня, и уж во всяком случае не миновать мне прослыть в наихудшем виде в глазах определённого круга людей... Я мог избежать этих неприятностей и не подвергать себя никакому риску. Но в таком случае появлялась другая неминуемая опасность: стать в глазах людей... душителем правды, злоумышленником... Я избирал первое всякий раз: брал ответственность на себя [подчёркнуто автором цитаты]».

Сам Василий Арсеньевич рассказывает пару таких случаев. Перед вводом в строй Волго-Донского канала он узнал, что часть проекта, касающаяся орошения, не выполнена, и подготовленные уже поля воды не получают. Он был вынужден вмешаться привычным способом – обращением в ЦК партии. Там отреагировали немедленно: НКВД получил указание в течение одной ночи перебросить на оросительную часть канала все необходимые технические и кадровые ресурсы и ликвидировать отставание от проекта. А будучи на Алтае спецкор Величко увидел, что часть урожая зерновых уже обречена уйти под снег: своих сил колхозам не хватает, а просить помощи со стороны райкомовское начальство опасается. Опять письмо наверх – опять указание ЦК... На уборку урожая были брошены воинские части.

Но не надо думать, что Величко бился только за мегапроекты и вмешивался только в масштабные проблемы. Красноречива в этом отношении история с его очерком «После дождя». Его героиня – колхозница и вдова-солдатка – получила пять лет лагерей за то, что носила домой с молочно-товарной фермы, где она работала, остатки кислого молока своему голодному ребёнку. За зиму набралось 10 л. Вот и впаяли матери по году за каждую пару литров кислятины. Всё было по закону – по сталинскому «закону о пяти колосках» (Закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г.). Поэтому на заседании редколлегии «Правды» очерк разнесли в пух и прах. Величко не поступился своими принципами и опять шагнул через голову – отправил рукопись в Президиум ЦК. Результатом был звонок из секретариата Н.С. Хрущёва: «Очерк «После дождя» не только одобрен, но и приложен как обосновывающий документ к постановлению ЦК об отмене... сталинского указа».

Права была жена В.А. Величко, написавшая мне: «Мой муж был человеком слова. Для него белое было белым, а чёрное – чёрным». Она же поведала, как Василий Арсеньевич ушёл из «Литературной газеты», где какое-то время работал редактором раздела внутренней жизни: «По его понятиям газета не давала правильной информации, и он потребовал от своего руководства пойти в ЦК к Жданову. Главный редактор и редактор иностранного отдела согласились, но решимости у них хватило только до

лифта. Тогда муж написал письмо в ЦК и ушёл из газеты. За это в Союзе писателей его хотели исключить из союза и партии. Он был вызван к Суслову, и тот после беседы с ним сказал, что один раз в 20 лет (а муж к тому времени был в партии уже 20 лет) так поступить можно, но чаще нельзя».

Нравнодушие, обострённое чувство справедливости не останавливали Величко даже перед очень громкими именами. В качестве члена жилищной комиссии писателей он знал, в каких ужасных условиях живут некоторые «инженеры человеческих душ». Поэтому активно участвовал в процессе строительства дома для писателей на средства Литфонда. И когда Министр культуры СССР Е.А. Фурцева оттяпала часть писательских квартир, он не побоялся опять пожаловаться в ЦК КПСС.

Ухудшающееся здоровье, которое не позволяло с прежней лёгкостью перемещаться в пространстве, уже плохо совмещалось с обязанностями специального корреспондента, и В.А. Величко покинул «Правду». Потом были неудачные попытки работать в «Литературной газете», «Сельской жизни», журнале «Советский Союз»...

Но болезни преследовали его, и, по собственному признанию Василия Арсеньевича, он стал «завсегдатаем больниц». В 1962 или 1963 г. пришла инвалидность. Однако и в таком положении он продолжал работать, переключившись с очерка на другие жанры – рассказ, повесть, роман. Два его очень больших романа опубликованы: «Верую» (том 1 в 1965 г., том 2 в 1976 г.) и «Искажённый бог» (1970 г.). Ещё два – «В красном океане» и «Дорога к радужному горизонту» – остались в рукописях.

Как положено в биографических публикациях, немного о семейном положении нашего героя. Женат он был дважды: примерно в 1935 г. в далёком Ванжиль-Кынаке, где он боролся с руководством Тымской производственно-охотничьей станции, он женился на Анастасии Терентьевне Володкиной; в 1944 г. в Туле – на дочери репрессированного «врага народа» (царского офицера) Елене Ивановне Дьяконовой. В первом браке родилась дочь Наталья, во втором – сыновья Андрей и Константин.

Умер В.А. Величко 17 апреля 1987 г. Похоронен на Ваганьковском кладбище в г. Москве.

В.А. Величко на Урале: привычная жизнь у костра. 1950-е гг.
Из архива семьи В.А. Величко

Обложка одной из книг В.А. Величко, вышедшая в Томске в 1960 г.

Приложение

Письмо Екатерины Ивановны Величко Я.А. Яковлеву от 01.05.2000.

Уважаемый друг Александрович!
Поздравляю Вас с самым большим,
самым замечательным, самым неза-
бываемым праздником Днем Победы!

Намногого понимаю Вами в
жизни и работе. Давно собираюсь
написать Вам в ответ на Вашу
открытку и вопрос о жизни в А.
в Сибири.

Все это я могу сказать о том вре-
мени отсылаю в книгу "После
серебряной цепи" и "В большом
степном мире". Собственно это
биографические очерки. "Тесные
тайги" - это о том как он пере-
нес воспоминания лесных у костра.
"Птица Вир" - как нашел работу
"Котко"; "Жизни невидимые" - еще
связи невидимый пучок поло-
тил тирог с машиной. "Грибав
руша" и "Грибав пудинг" занимают

особое место. В "Турое и один" он пишет о Мамеко Мосице Сигизмундовиче своем ином друге, смерти которого он страшно переживал, к которому он мечтал съездить вместе со мною, когда кончится война.

Я написал письмо В. А. с фронтальной датированное 1.10.44. В нем он пишет:

"Там я плакал; вот сейчас мути-мид я плакал. Не стыжусь написать тебе об этом. За всю войну это было впервые. Я терял товарищей, хоронил их сам, ихних разрывало на части так, что нечего было хоронить. Но я не плакал.

А здесь... Да мой милый, мой любимый. И сейчас мое сердце полно слез. У Т. В. меня тогда более месяца писало из Маршанской тайги. Мало писало оттуда более полугода. Единственное за всю войну. И я узнал из него, что мой самый дорогой, мой любимый, мой милый друг Мосица Сигизмунд.

добыч умер там в тайке один.
Тютову судьба таянника - умереть
в тайке душой. В тайке снуху
таянник поворот, остался в тай-
ке.

Там помини, я расскажу тебе
о человеке с белой львиной гривой,
с сердцем льва и умом углемого, с
душой ребенка...

Тютов шумит над его мотлой тай-
ки, он любил ее.

Тютов и от меня она поминит,
я любил его.

О, Ленок, сколько много я мечтаю
что вот мы взором поведем к нему,
вот ты увидишь его...

... Нету у меня пристанища в тай-
ке, теперь нету. (Земь там тучу-
сы - мои друзья, но они легко забот-
вают) Боте мой, как мне таян-
но... Тютова туча...

... Разноз мой, мы поведем в тайку
хоть не туча я половец свой то-
пор не мотлеу Мосига Сизимуро-
вца в знак прощания с тайкой

навегда... "

К сожалению, осуществит свою мечту В. А. не удалось. В 1946 г. он был на Нюрнбергском суде, потом в 1948 г. на Северном полюсе, а уже в конце 1948 г. на операции на позвоночнике. Мечтал он что младший сын пойдет по его следам в тайгу, но к тому времени как он вырос, всякие связи с Марьяной были нарушены.

В. А. был по словам хорошо его знавшие людей "смен и прями в своих суждениях" и "Он мучился человеком быта".

Смелость и прямота суждений не всех устраивала. Это Вы понимаете.

В Тюмени был такой писатель Блещев. Если не ошибаюсь он даже был секретарем Тюменского отделения С. Т. В. А. помогал ему еще когда он учился в Ленинге, рецензировал его книгу помог в издании. Он бывал у нас в доме. Но потом стал театралом задумал как и поехать

мено старых значков.

Таких случаев было много. Мы
приведем к этому.

Постарайтесь найти книги о
которых я упоминаю. В
составлении у меня они в един-
ственном экземпляре. Знаю
что в свое время В. А. отправ-
лял в Тюмень в библиотеку
"В большом степном мире."

Дядя Александрович, извините
за излишнюю болтливость,
старик, как правило, много
болтливый.

Желаю Вам успеха.

С уважением

Г. Величко

1 мая 2000г.